

Nadim AIDAROV
Service for music:
pages of memoirs by Jevdet
Aidarov

The article represents the materials from the archive of Jevdet Aidarov, a participant of the first performance of Dmitri Shostakovich's Seventh Symphony in besieged Leningrad. These materials elucidate the process of preparing the legendary première that took place on August 9, 1942, the musicians' collaboration with the conductor Karl Eliasberg, the everyday life and creative work of the Radio Committee Orchestra. Jevdet Aidarov's memoirs are published for the first time.
Key words: Seventh Symphony, Dmitri Shostakovich, Carl Eliasberg, the siege of Leningrad.

Надим АЙДАРОВ
Служение музыке:
страницы воспоминаний
Ж. К. Айдарова

В статье представлены архивные материалы Ж. К. Айдарова — участника первого исполнения в блокадном Ленинграде 7-й симфонии Д. Д. Шостаковича. Освещается процесс подготовки легендарной премьеры 9 августа 1942 года, работа с дирижером К. И. Элиасбергом, быт и творческая жизнь оркестра Радиокомитета. Воспоминания музыканта публикуются впервые.
Ключевые слова: 7-я симфония, Д. Д. Шостакович, К. И. Элиасберг, блокада.

«Каждый раз по пути в Ленинград на очередную годовщину исполнения Седьмой симфонии я невольно задумываюсь: „Боже! Неужели это было? Неужели истерзанные войной и голодом мы были способны достойно воспроизвести партитуру сложнейшего произведения?“ Но, придя в белоколонный Большой зал филармонии, увидев там портреты Шостаковича и дирижера Элиасберга, обняв, увы, немногих коллег, уже не сомневаешься — было»¹.

Автор этих строк, Жавдет Караматулович Айдаров² (1918–2000), был участником легендарного события — исполнения в блокадном Ленинграде Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича. В жизни этого человека было множество непредсказуемых поворотов. Сын муллы, сосланного в первые годы советской власти в Узбекистан, он стал музыкантом...

Десятилетний Жавдет Айдаров оказался в Ташкенте. Он, как и тысячи других детей, лишившихся попечения родной семьи, попал детский дом. Здесь он волею судеб нашел свое призвание и профессию. Будучи музыкально одаренным, Жавдет сразу был зачислен трубачом в организованный при детдоме оркестр духовых инструментов. И успех не заставил себя долго ждать: Айдарова заметили. Он играл кавалерийские сигналы на военных маневрах перед знаменитыми полководцами С. М. Буденным и О. И. Городовиковым. Однако из-за травмы Айдарову пришлось оставить трубу, а равно и другие медные духовые инструменты, и молодой музыкант быстро овладел ударными.

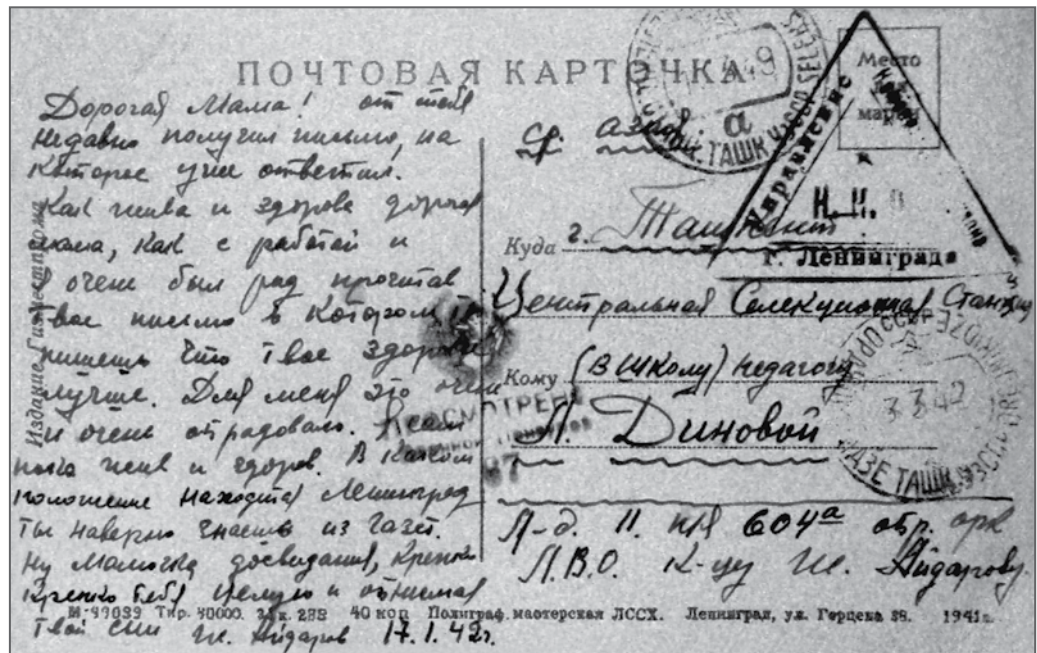
По рекомендации своего учителя Анатолия Тольского Айдаров попадает в оркестр только что открывшегося в Ташкенте Театра оперы и балета. А затем, спустя год, он продолжает путь оркестранта в театрах Горького и Киева, выступая в концертах под управлением ведущих дирижеров своего времени. Растёт мастерство музыканта, и совсем не случайным оказывается его появление в 1937 году в штате Ленинградского Кировского (ныне Мариинского) театра (после успешного прохождения конкурсного отбора). Одновременно он становится студентом Музыкального училища имени М. П. Мусоргского (класс ударных инструментов А. И. Чулюкина).

Великая Отечественная война застает Жавдета Айдарова в Ленинграде; в то время он работает в Образцовом оркестре Ленинградского военного округа. Как и все, оставшиеся в осажденном городе, Айдаров встает на его защиту: работает на строительстве укреплений, становится участником команды МПВО (местной противовоздушной обороны), экспедитором. В письме к матери от 16 июля 1941 года он пишет: «После объявления войны работаем как комендантская команда. Насчёт отправки на фронт ничего не слышно пока»³. Эта тема так и останется открытой — его не отправят на передовую, он станет «бойцом музыкального фронта». В сохранившихся письмах Ж. К. Айдарова к родным почти всегда встречаются фразы «все в порядке», «жив и здоров», тогда как

¹ Айдаров Д. «Ленинградская» — навсегда останется симфонией подвига // Вечерняя Казань. 1992. № 176 (436). 18 декабря. С. 3.

² В разных статьях и документах нередко встречается иное написание имени: Жаудат, Джаудат. Согласно метрике, имя музыканта — Жавдет.

³ Все цитируемые здесь и далее документы находятся в личном архиве Ж. К. Айдарова.

в реальности дела обстоят критически. Разумеется, в письмах из блокадного Ленинграда находим только воодушевляющие слова, самые общие сведения о жизни города, ибо вся корреспонденция проходит контроль военной цензуры. О многом музыкант будет молчать и поведает уже после окончания войны.

Один из самых страшных периодов блокады: зима 1941–1942 годов. Голод и холод, бомбёжки и артобстрелы стали неизменными спутниками ленинградцев. Жавдет Караматулович впоследствии расскажет, как от безысходности он и его товарищи стали играть в «русскую рулетку»: пистолет заряжался единственным патроном, после раскрутки барабана его приставляли к виску и спускали курок — «быть или не быть». «Каждый раз раздавался страшный щелчок, и после него оказывалось, что ты жив...». Однако эта затея была вскоре пресечена: всех причастных к «развлечению» отправили на гауптвахту. Сохранились в семейных хрониках и другие воспоминания: процесс варения клейстера и способы его употребления, шпроты из сои, суп из кожаного ремня, блокадные 200 граммов хлеба, дежурства на крышах и гашение сбрасываемых фашистской авиацией зажигательных бомб, конвоирование пленного немецкого солдата...

И, тем не менее, несмотря на жуткие испытания первой блокадной зимы, Айдаров выжил, а в его жизни произошли перемены. Весной 1942 года он специальным указом был прикомандирован к оркестру К. И. Элиасберга, под управлением которого готовилось исполнение Седьмой симфонии Шостаковича. Летом 1942 года репетиции шли почти каждый день. О том, как они проходили, Жавдет Караматулович вспоминал:

«Было очень голодно, холодно. Люди обессилены. Почти все музыканты жили в здании радиокомитета на казарменном положении. Все мы были солдатами МПВО. Во время налетов авиации дежурили на крышах и тушили зажигательные бомбы. Репетировать подряд 3–4 часа не было сил. Губы у духовиков, руки у музыкантов плохо подчинялись музыке. Репетировали в 3 приема понемногу. Но К. И. Элиасберг — дирижёр требовательный, строгий, хотя сам тоже обессиленный, похожий на вопросительный знак — умел добиваться чистого звучания и верного интонирования»⁴.

С репетициями Седьмой симфонии связан драматический момент в жизни барабанщика. На одной из репетиций он отсутствует. На вопрос К. И. Элиасберга «Где ударник?» звучит ответ: «В мертвецкой». Дирижёр не верит и идет проверять. Оказывается, Ж. К. Айдаров в голодном обмороке лежит среди покойников. Его возвращают к жизни: дополнительный кусочек хлеба оказывается спасительным, возрождая угасшие силы. Этот эпизод навеки врезается в память музыканта.

⁴ Фрагмент текста воспоминаний Ж. К. Айдарова, подготовленного для выступления перед учащимися школ Казани 17 февраля 1984 года. Хранится в семейном архиве. Публикуется впервые.

Бывали случаи невероятные для мирного времени, сами по себе определяющие положение блокадных оркестрантов. Так, «шумовая начинка» маракаса (в который, как известно, помещаются семена растений, обычно — гороха или гречихи) была использована по «прямому» назначению, то есть в пищу. Вместо этого в него оказались насыпаны гвозди... Услышав на репетиции другой тембр, К. И. Элиасберг потребовал провинившихся исправить положение!

О том, как прошла премьера 9 августа 1942 года, Жавдет Караматулович впоследствии много раз будет рассказывать на различных творческих встречах. В данной статье впервые публикуются некоторые материалы из личного архива музыканта.

«Я, как участник первого исполнения 7-й симфонии Шостаковича в Ленинграде, всегда, когда меня просят рассказать об этом, выполняю просьбу с волнением, с чувством большой ответственности. Ибо это не просто рассказ о большом историческом событии в жизни советской музыки. Это — низкий поклон перед светлой памятью погибших во время блокады музыкантов, низкий поклон перед светлой памятью гениального композитора нашей эпохи Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, низкий поклон перед памятью замечательного дирижера Элиасберга. Именно они, ленинградские музыканты, вместе с бойцами Ленинградского фронта, показали стойкость, мужество советских людей.

Первое исполнение 7-й симфонии — и для меня незабываемое событие на всю жизнь.

А было это так. Идут ожесточённые бои. Враг стремится в Ленинград. В начале августа 1941 года дан приказ эвакуировать творческие коллективы. Эвакуировался Заслуженный коллектив республики — симфонический оркестр Ленинградской Филармонии в г. Новосибирск, в Пермь — Театр оперы и балета им. С. М. Кирова, в Оренбург — Малый Оперный театр. Консерватория была эвакуирована в Ташкент.

Большой симфонический оркестр Ленинградского Радиокomiteта и Театра музыкальной комедии — единственный музыкальный коллектив — остался в осаждённом Ленинграде. Оркестр каждый день выступал по Радио. Обратим внимание на то обстоятельство, что тогда не было записи на магнитофон. Было ежедневное, ежеминутное живое непосредственное выступление у микрофона! Симфонический оркестр ежедневно играл. В программе — Чайковский, Глазунов, Бетховен, Моцарт, Брамс... Ленинградские музыкальные передачи транслировались для Англии, Франции... Весь мир знал, что Ленинград борется, что в Ленинграде жизнь кипит.

Оркестр работал под управлением крупного дирижера — Карла Ильича Элиасберга. Он, как большой, эрудированный, высококвалифицированный и одаренный дирижер, умел вести оркестр к цели, умел добиваться идеального звучания оркестра. Он также умел давать возможность каждому из нас проявлять свое творческое отношение к произведению. Карл Ильич был таким музыкантом, который не шел позади композитора, а стремился встать рядом с ним. Симфонические радиоконцерты часто шли под бомбежкой и артиллерийским обстрелом. Почти все музыканты жили на казарменном положении, состояли в команде МПВО — во время воздушных налетов дежурили на крышах и чердаках, тушили зажигательные бомбы.

Недалеко от Радиокomiteта в гостинице „Астория“ создали стационар для особо истощенных, дистрофиков. Сюда был направлен со своей женой — замечательной пианисткой, концертмейстером радио, Надеждой Дмитриевной Бронниковой, дирижер Карл Ильич Элиасберг. Здесь же, в „Астории“, находился истощенный голодом выдающийся пианист Владимир Владимирович Софроницкий.

В симфоническом оркестре в начале войны было свыше 100 музыкантов. Каждый день смерть уносила их жизни, и оркестранты рассказывали, что после каждой передачи они кого-то уже заставляли мертвым. Музыкантов оставалось мало. Всего 27 человек. Оркестр уже не мог давать концерты симфонической музыки. В то время из Куйбышева на самолете штаба Ленинградского фронта спецрейсом была доставлена партитура 7-й симфонии Шостаковича. Симфония, посвященная Ленинграду, должна звучать в Ленинграде.

Встал вопрос о необходимости пополнения оркестра. Решили обратиться в штаб Ленинградского фронта, ведь многие музыканты с оружием в руках защищали город. Просьба Радиокomiteта была удовлетворена. Музыканты, находившиеся в армии и во флоте, получили предписание прибыть в Ленинград на ул. Малую Садовую, 6 — в Радиокomiteт, имея при себе музыкальные инструменты. Учтите, товарищи, это происходило в самое

СОСТАВ СИМФОНИЧЕСКОГО ОРКЕСТРА

1-е скрипки

1. АРЖИН С. А. — солист
2. МАРГУЛИС Л. М.
3. ЛЕВИН С. Л.
4. МИНАЕВ В. С.
5. ПРЕССЕР А. Р.
6. ГИТЕР Э. С.
7. ЕРМАНОК С. К.
8. ГЕРШКОВИЧ А. Д.
9. ПАНФИЛОВ С. И.
10. БЕРДНИКОВ В. Н.

2-е скрипки

11. САВЕЛЬЕВ Б. В.
12. ОКУНЬ Х. И.
13. ЗАЦАРНЫЙ А. Д.
14. СЛОБОДСКАЯ С. Е.
15. КАЧКОВСКАЯ Р. А.
16. ЛЕВИТИН П. И.
17. ФЕДЕЧКО Г. Ф.
18. КРЕСИН И. О.

Альты

19. ВСЕНЯВСКИЙ И. А. — солист
20. ПИОРОВСКИЙ И. И.
21. ИГНАТЕНКО Е. Д.
22. ПАРОВЫНСКИЙ А. И.
23. МИНЖЕВ Н. И.
24. ЕЛИЗАРОВ В. А.

Виолончели

25. АНАНИН К. М. — солист
26. САФОНОВ А. И.
27. ХРАМОВ Н. В.
28. ШОСТАКОВ М. И.

Контрабасы

29. ЦЕМНО П. Д. — солист
30. БАДАРОВСКИЙ М. В.
31. КЕРКЕШКО Г. Ф.
32. ФЕДОРОВ Д. И.

Арфы

33. ПОКРОВСКАЯ Л. А. — солист
34. ГРИГОРЬЕВ Д. Ф.

Рояль

35. БРОННИКОВА Н. Д.

Флейты

36. ТЕЛЯТНИК С. Ф. — солист
37. ЕРШОВА Г.
38. СОЛОВЬЕВ А. И. — солист
39. КАЦМАН Д. С.

Гобои

40. ШАХ Е. Д. — солист
41. МАТУС К. М.
42. ПЕТРОВА В. К. — солист

Кларнеты

43. СЕРГЕЕВ Г. А. — солист
44. ВАСИЛЬЕВ Ж. В.
45. ФАДЕЕВ И. С.
46. СТЕПАНОВ К. К.
47. БЫСТРИЦКИЙ А. С. — солист

Фаготы

48. МЕДВЕДЕВ Г. С. — солист
49. ЕРМИКИН Г. Ф.
50. КУРТАНСКИЙ А. И.

Волторы

51. ДУЛЬСКИЙ Н. М. — солист
52. ФЕДОРОВ Н. И.
53. ОРЕХОВ П. К.
54. МАГОРНИК Н. М.
55. ПЕТРОВ В. А.
56. ГОРЛОВ С. Б.
57. ПАРФЕНОВ М. Т.
58. ПАВЛОВ И. Д.
59. КОПАНСКИЙ Л. Н.

Трубы

60. ЧУДНЕНКО Д. Ф. — солист
61. ГРИСЯК П. А.
62. КЛИМОВ Г. Д.
63. ЕЛИСРЕВ В. П.
64. НОСОВ Н. А.
65. ПОКЛАД А. Ф.
66. ВАХРАМЕЕВ В. А.

Тромбоны

67. ОРЛОВСКИЙ В. М. — солист
68. СМОЛЖ М. Е.
69. ЮДИН В. И.
70. БОГДАНОВ П. В.
71. КАВИЦА И. И.
72. ПЛЕХАНОВ Н. М.
73. ИДЕЛЬСОН М. А.

Тубы

74. ШАСТОВСКИЙ А. Н.
75. МУРЗАМОВ И. З.

Литавры

76. ОСАДЧУК В. Е. — солист

Ударные

77. ПЕТРОВ А. А.
78. ЧУЛЮКИН А. И. х. в. р.
79. КУЛИКОВ Е. Ж.
80. АЙДАРОВ Ж. К.

ДИРИЖЕР — ЭЛИАСБЕРГ И. М.
Ассистент дирижера — АРЖИН С. А.

**УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ ИСПОЛКОМА ЛЕНИНГРАДСКОГО РАЙОНА
И
ЛЕНИНГРАДСКИЙ КОМИТЕТ ПО РАДИОВЕЩАНИЮ**

БОЛЬШОЙ ЗАЛ ФИЛАРМОНИИ

„Нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе над врагом, моему родному городу — Ленинграду я посвящаю свою 7-ую симфонию“.

Д. ШОСТАКОВИЧ

Ц. О. „Правда“ № 89 (8839), 26/II-42.

СЕДЬМАЯ СИМФОНΙΑ

ДМИТРИЯ ШОСТАКОВИЧА

ЛЕНИНГРАД
1942

Руководители духовых оркестров, участвующих в исполнении симфонии:
Инспектор I ранга ГЕНШТАТ А. М.
Инспектор оркестра — ПРЕССЕР А. Р.

Инспектор III ранга МАСЛОВ К. И.
Белобокская — БЕЖИКИНА О. О.

тяжелое время блокады. Когда были на учете каждый боец, каждая винтовка, каждая крошка хлеба. Я тоже был откомандирован из своей воинской части.

Обновленный состав оркестра возобновил симфонические концерты по радио и выступал в знаменитом Большом зале Ленинградской Филармонии, носящей теперь имя Шостаковича. Этому коллективу выпала честь первым исполнить в осажденном Ленинграде Седьмую симфонию, посвященную городу Ленина.

Это было 9 августа 1942 года, в 19 часов. Осажденный Ленинград. Поразительная тишина. (Перед этим наши артиллеристы огнем подавили вражеские батареи, выполняя приказ „80 минут тишины“.) Зал был переполнен. Много было военных, рабочих, много интеллигенции. Были на концерте известные писатели Николай Тихонов, Ольга Берггольц, Всеволод Вишневский и другие. Вот на эстраду выходят музыканты, кто в гимнастерках, кто в кителях, кто в ватниках. Музыканты одеты, кто во что. Последним выходит наш строгий, требовательный, удивительно обаятельный Карл Ильич. Он очень высокий, худой, и от голода, кажется, он согнулся как вопросительный знак. Он поднял руки. Дирижерская палочка трясется от волнения. Я исполнял на ударных инструментах тему нашествия врага и, наверно, с ожесточенным чувством ненависти к фашизму. Оркестр играл вдохновенно. Симфония окончена. В зале воцаряется небывалая тишина. Дирижер Элиасберг стоит не двигаясь. И вдруг буря аплодисментов. Маленькая девочка преподносит Элиасбергу букетик цветов с запиской: „С признательностью за сохранение и исполнение музыки в осажденном Ленинграде. Семья Шнитниковых“. [...]

Симфония транслировалась по радио. Из Москвы в тот же вечер Шостакович прислал нам телеграмму с поздравлением.

Через 3 года после окончания войны в гостинице „Астория“ произошла встреча Ленинградской интеллигенции с группой приехавших из Германии немецких специалистов. Сидящие на банкете невольно вспомнили, что именно здесь, в „Астории“, Гитлер назначил торжественный банкет в честь победы над Ленинградом. Уже были отпечатаны приглашительные билеты...

Вдруг к Элиасбергу (а он был приглашен на этот банкет [по случаю завершения Великой Отечественной войны и победы над фашизмом. — Н. А.] подошли двое из гостей [быв-

ших советских бойцов. — Н. А.] и попросили перейти к другому столику. Один из них был крупным инженером, он рассказал, что был артиллеристом на фронте под Ленинградом в Петергофе, что он — любитель музыки, слышал все передачи симфонического оркестра и даже записал даты и программы концертов.

Он спросил: „Как удалось Вам создать в таких нечеловеческих условиях первоклассный оркестр и сделать так, чтобы он играл! Я потрясён!“

Тогда советский дирижёр рассказал, как он зимой 1942 года лежал на 7-м этаже этого самого здания, как лежали и умирали от голода, дистрофии многие музыканты. Элиасберг рассказал, как застывшими пальцами занимался на рояле Софроницкий, готовя свои программы. Как ему самому, падающему от голода, люди помогли подняться и встать за дирижёрский пульт»⁵.

К. И. Элиасберг с тех блокадных пор стал одним из самых близких людей в семье Айдаровых, состоял с ними в переписке. Судьба еще не раз сводила их. О некоторых особо запомнившихся встречах Ж. К. Айдаров оставил воспоминания, в которых почтил память своего незабвенного учителя, старшего товарища, друга.

В настоящей статье этот документ, датируемый концом 1970-х годов, публикуется впервые. При воспроизведении сохранен авторский стиль, употребление строчных и прописных букв приведено к современным нормам правописания, очевидные опiski и пропуски знаков препинания специально не оговариваются.

«Великий мастер оркестра»

Первые впечатления у музыкантов — самые сильные и очень стойкие. Они обычно остаются на всю жизнь. И хотя мои встречи с К. И. Элиасбергом не были постоянными, он сохранился в памяти как великий мастер оркестра, как заботливый педагог и требовательный руководитель.

Знакомство с Большим симфоническим оркестром и К. И. Элиасбергом произошло в 1939 году. Предыстория была такова. В начале этого года при Ленинградском Радиокomiteе был организован малый симфонический оркестр. Он целиком состоял из артистов симфонического оркестра Ленинградского государственного академического Театра оперы и балета имени С. М. Кирова. А организатором и инспектором, точнее, душой вновь созданного коллектива музыкантов был М. И. Ратнер — концертмейстер группы виолончелей. Михаил Исаакович — великолепный музыкант, очень хороший человек, отзывчивый товарищ. Он пользовался большим уважением оркестра. Главным дирижером был Семен Осипович Бруг. Он остался в моей памяти как человек большой культуры и интеллигентности. В этот Малый симфонический оркестр приглашен был и я. В то время не было еще даже понятия о записи. Оркестр выступал непосредственно у микрофона. Исполнение было, как сейчас говорят, „живым“. Оно шло прямо в эфир. Наш малый симфонический оркестр, в основном, исполнял произведения популярной классической музыки. [...]

Видимо, меня заметили на радио, и однажды инспектор БСО Алексей Романович Прессер пригласил для участия в исполнении Фантастической симфонии Берлиоза партии 2-х литавр в IV части симфонии „Шествие на казнь“. На репетиции симфонии состоялось мое первое знакомство с К. И. Элиасбергом. [...]

Встречи с К. И. Элиасбергом вне музыки для меня остались настоящей школой культуры в быту. Его короткие, меткие замечания не только врезались в память, но и принимались, как правило, действия. Его отношение к людям, к родным, к близким были для меня также добрым примером.

Летний день 1943 года. В редкий час, когда не было артиллерийского обстрела, К. И. Элиасберг предложил мне поехать с ним на кладбище, на могилу его родителей. Едем. Он и я на велосипедах. Я как-то нечаянно наехал на Карла Ильича. Он выругал меня.

⁵ Текст написан 16–18 октября 1982 года.

Выругал внушительно. Доехали. Подошли к могиле. Помнится надгробие из белого мрамора. Он сел около памятника, на руку положил голову и минут 15 сидел задумчиво, молчаливо. Я остановился чуть дальше от него. Я не смел расспрашивать о его родителях. В его молчании, задумчивости, казалось, была невысказанная боль утраты близких.

Карл Ильич особо радовался в обществе музыкантов. В [блокадный] Ленинград приехал Эмиль Гилельс. Был он у Карла Ильича в гостях. Шел радушный разговор о музыке И.Ф. Стравинского. В этот приезд Эмиль Гилельс исполнил „Петрушку“ Стравинского. Исполнять Стравинского в те годы (1944 г.) было большой смелостью.

С 1963 года в городах Поволжья, где проходила жизнь В.И. Ленина, стали проводить музыкальный весенний фестиваль Поволжья, посвященный дню рождения вождя. В 1965 году на Ленинский фестиваль был приглашен Карл Ильич. В Казани он дирижировал 9-й симфонией Бетховена. Симфонические концерты прошли с небывалым успехом⁶. Карл Ильич радостный пришел к нам домой. Много шутил. По татарскому обычаю жена моя Зайнаб⁷ приготовила пельмени с бульоном. Пельмени мелкие. (Есть обычай у татар: чем почетнее гость, тем мельче должны быть пельмени). Это Карла Ильича рассмешило. Он все просил ответить, могут ли быть пельмени еще меньше размером, чем те, которые были в тарелке перед ним.

Нежно говорил о Надежде Дмитриевне [Бронниковой]. Надежда Дмитриевна, отличная пианистка, блестящий концертмейстер Ленинградского радио, была для Карла Ильича любящей женой, заботливой матерью, настоящим другом, советчиком. Я преклоняюсь перед их взаимопониманием.

Настал час расставания. Карл Ильич стоит у дверей. На нем демисезонное светлосерое пальто. Сшито оно очень хорошо, красиво облегает стройную фигуру нашего гостя. Мы с женой говорим ему об этом; а он нам серьезно отвечает:

— Надо красиво одеваться. Все должно быть аккуратно. Шьют хорошо в Риге. Заказывать себе одежду я езжу в Ригу. Советую и Вам, Джаудат, следи за своей стрижкой. И здесь нужна опрятность. Волосы от висков должны быть короткими. Это придает лицу молодость и аккуратность. Запомни.

Таким веселым разговором мы расстались с ним в конце апреля 1965 года.

1970 год. Май. Празднуем 30-летие Победы над фашизмом. По приглашению Ленинградской филармонии прилетел я на встречу с музыкантами оркестра Ленинградского радио. В Доме композиторов шёл вечер, посвященный этому торжеству. Встречаемся с Карлом Ильичем. Он нас приглашает к застолью композиторов. Первый тост произносит Андрей Петров. С воспоминаниями о фронтовых поездках с юмором рассказывает В.П. Соловьев-Седой. Карл Ильич больше слушает, говорит мало. На другой день мы с ним встретились в зале Ленинградской филармонии. На концерте исполнялась Седьмая симфония Д.Д. Шостаковича. Вступительное слово сказал М.С. Вайнберг. Зал горячо аплодировал первым исполнителям Седьмой Симфонии Шостаковича в осажденном Ленинграде 9 августа 1942 года. В антракте слушатели потянулись к музыкантам-блокадникам за автографами. Особо горячо аплодировали ленинградцы поэту Ольге Берггольц и К.И. Элиасбергу. В этот вечер Карл Ильич не дирижировал. Почему? Этот вопрос остался для меня непонятным. Карл Ильич молчал. Молчал он и на банкете, состоявшемся после концерта. Какая-то несправедливость давила его. Так мы решили с женой. С грустью вспомнили слова Надежды Дмитриевны: „Ему не дают работать“.

1974 год, 24-е января. Большой зал Московской консерватории. Концерт Симфонической музыки. В программе Поэма „Памяти жертв блокады Ленинграда“ для струнных, труб, органа, двух фортепиано и ударных Андрея Петрова и 9-я симфония Бетховена. После окончания концерта спешу в артистическую. Комната полна гостями. Карл Ильич в окружении артистов хора и музыкантов. Горячо его поздравляет И.С. Козловский. Карл Ильич счастлив, рад. Он улыбается и говорит, что у него на завтра назначена репетиция

⁶ Концерт состоялся 19 апреля 1965 года при участии Государственного симфонического оркестра СССР.

⁷ Зайнаб Шайхулловна Хайруллина (1916–2010) — музыковед. Заслуженный деятель искусств ТАССР (1991). В 1932–1958 гг. (с перерывами) работала на Татарском радио (диктор, редактор, руководитель художественного вещания), в 1958–1961 гг. в Казанской студии телевидения (директор, редактор), одновременно в 1962–1973 гг. — ответственный секретарь правления Союза композиторов ТАССР, в 1944–1976 гг. ведущая концертных программ и лектор Татарской филармонии. Автор работ по вопросам татарской музыкальной культуры. Многие тексты Ж.К. Айдарова, в том числе публикуемые здесь, были написаны им при непосредственном участии супруги — З.Ш. Хайруллиной.

и запись, будет работа. Ведь Карл Ильич видел свое счастье только в творчестве. Таким он мне запомнился в последний раз. Берегу программку этого концерта с его автографом: „Дорогой друг Джаудат! Горячо тебя обнимаю, часто вспоминаю и желаю тебе доброго здоровья! К. Элиасберг. 27/1 1974“⁸.

На протяжении всей своей жизни Ж.К. Айдаров бескорыстно служил родному искусству, много сил отдал педагогической работе, стал известным деятелем культуры Поволжья⁹. Он всегда оставался истинным интеллигентом, для которого высокие нравственные принципы были неотъемлемой частью всей жизни, важной составляющей облика музыканта-профессионала. Наверное, это не случайно. Лихолетье блокады закалило его характер, сформировало шкалу ценностей, в которой такие качества, как порядочность, взаимовыручка, доброта и честность, значили многое...

В заключение одного из выступлений перед молодыми музыкантами Ж.К. Айдаров сказал:

«Мне часто задают вопрос: „Как Вы исполняли Седьмую симфонию Шостаковича? Вы же были все обессиленные?“ С тех пор прошло более 40 лет. Естественно, многие детали стерлись из памяти. Но одно забываемо: чувство радости от того, что наш симфонический оркестр живет, что слушать нас пришли Ленинградцы — самые стойкие люди страны — и чувство ненависти к фашизму. Эти два чувства наполняли нас несказанной силой. Скажу со всей ответственностью, что мы играли неплохо. Симфония звучала убедительно. Всем известна истина: судьба произведения, его будущее — в руках исполнителей. Мы донесли до слушателей изумительное содержание симфонии Шостаковича.

Силу нам давала вера в победу. Желание жить и победить заставляло нас играть как можно лучше. [...]

Из пережитого делаю один вывод: велика сила музыки. Она объединяет людей, она поднимает людей на подвиг. Если бы мне предложили заново начать жизнь, заново выбрать себе профессию, я остался бы верен музыке. Стал бы музыкантом, но приложил бы все свои способности быть еще лучшим»¹⁰.

Автор статьи выражает глубокую благодарность Андрею Николаевичу Крюкову, Виктору Васильевичу Козлову и Инне Васильевне Селивановой за ценные советы и пожелания.

⁸ Текст воспоминаний написан в конце 1970-х годов.

⁹ В 1951 году Ж.К. Айдаров закончил дирижерско-хоровое отделение Ленинградской консерватории (класс А.В. Михайлова), был дирижером Оркестра народных инструментов Читинского радиокомитета (1951–1952), художественным руководителем рабочей хоровой капеллы Ижорского завода (1954–1958), хормейстером карельского ансамбля «Кантеле» и главным хормейстером декады Карельского искусства в Москве (1958–1959), художественным руководителем ансамбля песни и танца Татарской республики (1959–1965), доцентом кафедры народных инструментов Казанской консерватории (1965–1975), директором Специальной музыкальной школы при Казанской консерватории (1969–1973), преподавателем Казанского музыкального училища (1975–1998).

¹⁰ Текст написан 16–18 октября 1982 года.